

Александр Михайловский

К ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

“Интеллектуалы формулируют мировоззренческие ценности, выступают за рациональную организацию социального порядка и систематизацию индивидуальных жизненных моделей” — так, опираясь на Макса Вебера, определяет миссию интеллектуалов Гандольф Хюбингер¹. Интеллектуалы служат общественному идеалу, истолковывают мир, производят и транслируют смыслы. Вплоть до конца XIX века за социальное опосредование ценностных представлений в Германии отвечала “государственная интеллигенция”, образованная буржуазия (**Bildungsbürgertum**), которая — в отличие от Франции с ее рожденными Просвещением **hommes de lettres**, — была представлена, прежде всего, университетскими профессорами. Некий прототип интеллектуала — в соответствии с либеральной моделью *политического интеллектуала* как гражданина — можно обнаружить в фигуре ученого, выступавшего от имени нации во Франкфуртском парламенте. Несмотря на неудачу революции 1848 года, “политика ученых”, олицетворяемая такими фигурами, как Якоб Гримм и Иоганн Дройзен, свидетельствовала о формировании совершенно новой по сравнению с домартовской Германией общественной среды. Тем самым впервые появлялась возможность для различения речи профессора *ex cathedra* и речи публичной, которая помимо базового опыта рефлексии предполагала связь с центрами власти и могла рассчитывать на общественный резонанс.

Вместе с тем примерно с 1871 г. Германия проделывает путь, который во Франции привел к созданию литературного поля и «профессионализации» тех, кто вступил в борьбу за символическую и культурную власть — прежде всего, писателей и журналистов². Можно утверждать, что на рубеже столетий *из Bildungsbürger'a вырастает интеллектуал*. Формированию этого нового исторического типа духовной деятельности способствовала ускоренная урба-

¹ *Hübinger G. Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand // Hübinger G., Mommsen W. (Hg.). Intellektuelle im deutschen Kaiserreich. — Frankfurt a. M., 1993. S. 202.*

² См.: *Charle C. Naissance des “intellectuels” 1880–1900. — Paris, 1990.* На материале французской интеллектуальной истории XIX в. автор различает такие исторические прототипы интеллектуала, как “*homme de lettres*” (“литератор”), “*artiste*” (“художник”), “*savant*” (“ученый”) и “*savant et l'écrivain*” (“ученый и писатель”) (p. 20–37).

низация, которую в 1903 г. зафиксировал и описал Георг Зиммель³: преобладание рассудочного начала, рост числа мировоззренческих систем, дифференциация индивидуальных биографий приводят к трагическому расколу между “жизнью” и “культурой”, к “кризису культуры”. Особого внимания заслуживает такой важный социологический фактор, как перепроизводство людей с университетским образованием. Школы, университеты, государственное управление — классические сферы занятости “образованной буржуазии” — не могли больше вместить всех выпускников гуманитарных и, в особенности философских факультетов, которые становились “свободными писателями”, т.е. уходили в публицистику. Плюралистически организованная сфера публичности давала людям-интеллектуалам шанс найти и сохранить за собой адекватную позицию в культурном пространстве. При этом литераторы начинали доминировать над университетскими профессорами, традиционными распорядителями знания⁴. Ситуация осложнялась тем, что профессор приравнивался прусским государством к тайному советнику, тогда как “люди пера” не могли даже в самой отдаленной перспективе рассчитывать на признание и уважение, гарантированные высоким статусом государственного служащего (**Beamte**). Именно здесь, видимо, следует искать истоки, с одной стороны, глубиной вражды, которую академический истеблишмент до сих пор питает к публичной фигуре интеллектуала, а с другой — презрительного отношения самих “людей пера” к профессорам-“мандаринам”. Появлению интеллектуалов также во многом способствовала эрозия неогуманистического образовательного идеала. Требовалось выработать новые, специфические формы коллективного вмешательства в публичную сферу, каковыми стали воззвание, манифест, открытое письмо и прочие виды интеллектуального высказывания (протеста).

К условиям рождения этой отличной от ученого фигуры, в которой *объединяются писатель, публицист и политик*, можно отнести 1) общество массовой коммуникации, 2) массовый рынок духовной (интеллектуальной) продукции, 3) новые слои читателей, 4) профессиональные средства массовой информации (газеты и журналы), 5) массовый политический рынок, на котором имеют место публичные конфликты. Начиная с рубежа XIX–XX веков интеллектуалы создают “картины мира”, транслируют смыслы, “расставляют вехи” в жизненных порядках. Однако выступают они теперь не только как “социальные пророки”, но и как пропагандисты “национальной идеи”. Интеллектуалы становятся неотъемлемой частью структурных изменений публичной политической сферы, вызванных модернизацией европейского общества. В результате «коммуникативной революции» либеральные элиты с их идеалом рациональной публичной аргументации и деятельности “во благо нации” трансформировались в массовое демократическое общество, разделенное по партийному принципу и интеллектуально неоднородное. Рожденные новой эпохой “дикие публицисты” (Карл Краус) были одинаково готовы как к “расколдовыванию”, так и новому “заколдовыванию” мира.

³ *Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben // Simmel G. Das Individuum und die Freiheit. — Berlin, 1984. S. 192–204.*

⁴ См.: *Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. — М.: НЛО, 2008.*

Отсюда вытекают две противоположные функции интеллектуалов — “критика власти” и “стабилизация власти”, которые можно условно обозначить как “критика” и “мандат”⁵. В своей знаменитой речи “Политика как призвание и профессия” Макс Вебер описывает отношение интеллектуалов в революционные месяцы 1918–1919 годов к вопросу политической ответственности. Его приговор сводится к тому, что очарование романтикой интеллектуальных игр, лишенное какого бы то ни было чувства ответственности, оборачивается революционным “карнавалом”. Вебер же пытается донести до своей академической аудитории мысль о необходимости сочетать “страсть” со “службой делу” и сознанием “политической ответственности”. Таким образом, здесь идет речь об интеграции интеллектуалов в гражданское общество посредством участия в политических институтах. Эта либеральная модель образованного ученого-гражданина играет в германской интеллектуальной истории важную роль, однако конкретное историческое исследование *невозможно без взятия в скобки* этой нормативной характеристики, без учета самых разных форм и социально-политических условий деятельности интеллектуала.

Таким образом, “критика” является важнейшей, но не единственной сферой духовной деятельности интеллектуалов. Под критикой здесь понимается “систематическая рефлексия по поводу предпосылок и ценностей собственной мысли и поступков”, равно как и “проблематизация политических и социальных порядков”⁶. Понятие “мандата” предполагает участие в политической власти как таковой, будь то в форме политической ответственности министра (пример Вальтера Ратенау), в роли депутата парламента (Фридрих Науманн и Теодор Хойс), функционера в сфере администрации или высшей школы (некоторые интеллектуалы в годы нацизма) или в качестве организаторов коммуникативных сетей, в которых действуют литераторы-публицисты как организаторы публичного пространства (кружок Науманна, консервативно-революционные объединения в годы Веймарской республики или социал-демократические интеллектуалы 1960-х годов). В этой перспективе следует говорить не только о том, какие политические роли играли германские интеллектуалы, но и о том, какие организационные формы и средства массовой информации использовались ими для целенаправленного политического влияния.

С одной стороны, “конкуренция за культурную легитимацию”, в которую вступили интеллектуалы, позволяла сохранить им свой символический капитал по отношению к политике. Ведь интеллектуалы обладают обеспеченной “печатным капитализмом” (Б. Андерсон) властью слова, не беря на себя прямой политической ответственности за вытекающие отсюда поступки. Более того, их ценность для общества заключается прежде всего в том, что они выступают как тормозящий фактор, как профессиональные критики. С другой стороны, интеллектуалы вынуждены в той или иной степени переступить ту тонкую грань, которую принято обозначать как *sacrificium intellectus*. Это принесение автономии духа в жертву политической активности; “измена по отношению к интеллекту” означает готовность покинуть сферу чистой теории и попытаться придать идеальным порядкам социальную значимость.

⁵ *Hübinger G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. Intellektuelle in der Deutschen Politik.* — Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 2000. S. 21 ff.

⁶ *Ibid.* S. 21.

С зазором между двумя этими — подчеркнем еще раз, довольно искусственно фиксируемыми ролями, — связана и описанная Д. Берингом история “бранного слова интеллектуал”⁷. Она берет начало с получившего европейский резонанс дела Дрейфуса, которое поляризовало французскую общественность и коренным образом изменило Третью республику. В Германии отношение населения и, в частности, “политического класса” и интеллектуалов было амбивалентным. Так, “Новый Брокгауз” 1938 г. определял интеллектуала, во-первых, как “человека с глубоким гуманитарным образованием (*geistige Bildung*)”, а во-вторых, как “односторонне развитого рассудочного человека, у которого характер и душа (*Gemüt*) отходят на второй план”. Похожую дефиницию дает и послевоенное издание “Брокгауза” 1954 г. Словарь отражает реальный узус слова в немецком языке и показывает, что называться интеллектуалом в Германии было намного проблематичнее, чем во Франции с ее республиканскими традициями. Политики платили писателям, философам и публицистам той же монетой, крайне неохотно вступая с интеллектуалами в разговор.

На примере немецкой истории интеллектуалов можно неоднократно наблюдать столкновение между интеллектуальной нормой, заданной французским видением интеллектуала, и культурной действительностью. Так, слова о “свободно парящей интеллигенции” (Альфред Вебер) могут прочитываться и как положительная (неотъемлемое достоинство интеллектуала), и как отрицательная характеристика (недостаточная укорененность “универсального духа”). Действительно, стереотип “свободного парения” духа, означающий свободу от групповых интересов и заботу об общем благе, в дискуссиях вокруг понятия интеллектуала часто имел пренебрежительный оттенок⁸. Далекое неоднозначно и морально нагруженное понятие интеллектуала, приравнивающее его к “профессиональному критику” (М. Райнер Лепсиус). Иначе говоря, в очерке интеллектуальной истории Германии нельзя не учитывать сложного семантического поля понятия “интеллектуал”, включая как позитивные, так и негативные коннотации. В отличие от той же Франции применительно к интеллектуальной истории Германии отсутствуют наработанные схемы описания, а потому с использованием понятия интеллектуала как аналитического инструмента возникают определенные сложности, вызванные, в частности, оценочными коннотациями этого понятия.

Еще одна проблема, с которой приходится иметь дело исследователю немецкой истории интеллектуалов, — это отождествление “интеллектуалов” и “левых”. Политическая активность социал-демократических писателей из “Группы 47” смогла изменить отношение власти к интеллектуалам, однако в то же время способствовала утверждению восходящей еще к 1920-м годам квазимонополии левых на звание “интеллектуала”. Редактор “Тагесцайтунг” К. Хартунг как-то сказал: “Ничто так не повредило критически настроенной

⁷ См. фундаментальное исследование: *Bering D. Die Intellektuellen. Geschichte eines Schimpfwortes.* — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978.

⁸ В книге “Немецкий дух в опасности” (1932) филолог Э.-Р. Курциус, полемизируя с социологом К. Мангеймом, писал: “Свободное парение — это переходное состояние... Если дух и его носитель, интеллектуал... хочет жить полной жизнью, он должен где-то приземлиться... Кто думает удержаться в свободном парении, оказывается в комичной ситуации аристофановского Сократа, сидящего в своей мыслильне” (цит. по: *Bering D. Die Intellektuellen.* S. 297).

интеллигенции, как обращенное к духу требование *держаться левой стороны (Die-Geist-steht-links-Haltung)*. Вопрос встал со всей остротой в особенности после развала блоковой системы в мировой политике. Произошла релятивизация интеллектуальных позиций, более того, левые фактически оказались в ситуации идейного банкротства. Стало очевидно, что идентификация “левых” и “интеллектуалов” — попросту заблуждение.

Таким образом, в анализе интеллектуальной истории Германии следует принимать во внимание сразу несколько планов рассмотрения проблемы. 1) С точки зрения идеологии необходимо учитывать вопрос о роли интеллектуалов в поляризации право- и леворадикальных движений, борьбу элит за различные политические и социальные проекты, которые могут стоять либо под знаком “класса”, либо под знаком “народа”. 2) С точки зрения истории СМИ — вопросы о том, как создавался и укреплялся тип выносящего общие суждения публициста или эксперта-аналитика. 3) С точки зрения относительной автономии интеллектуала — вопрос о конкуренции мировоззренческих систем и придании им политического (институционального) веса.

В начале XX в. немецкие интеллектуалы пробуют играть самые разные политические роли. 1) Интеллектуалы не довольствуются ролью профессионального критика культурных ценностей и социального порядка, а пытаются использовать условия массового политического рынка для прямого политического влияния — социалистическое рабочее движение (Карл Каутский). 2) В ходе первой мировой войны образованная либеральная буржуазия также начала примерять на себя одежды интеллектуала и включилась в партийную борьбу. Пример — теолог и культур-философ Эрнст Трельч, который в 1917 г. организовал “Народный союз за свободу и Отечество” (в оппозиции к правой “*Deutsche Vaterlandspartei*” — “Германской партии Отечества”) и некоторое время занимал пост в прусском министерстве культуры. 3) В эпоху Веймарской республики идейной консолидации общества способствовали не столько демократические группы, сколько интеллектуалы, представлявшие различные “консервативно-революционные” движения (например, “младоконсервативные” клубы, кружок “*Tat*” — “Дело”).

Бесспорно, ключевым периодом для германских интеллектуалов (как, впрочем, и для европейских интеллектуалов) была первая треть XX в. В “эпоху мировой гражданской войны”⁹ они были той социальной группой, которая сделала идеологическую борьбу важнейшей частью своей духовной жизни. Эта эпоха продолжалась до тех пор, пока консервативно-революционные проекты авторитарного государства и представления о харизматичном лидере не столкнулись с реальностью национал-социалистической революции. Кто-то покинул страну, кто-то ушел во “внутреннюю эмиграцию”, кто-то подвергся физическому уничтожению. *Gleichschaltung*, включение интеллектуалов в национал-социалистическое “движение”, означало сведение их роли к минимуму. Фигура интеллектуала фактически оказалась оттеснена на периферию типом партийного функционера, боровшегося за “чистоту немецкой культуры”.

После военно-политического крушения Германии в 1945 г. многие правые интеллектуалы сопротивлялись, с одной стороны, “вестернизации” и “американизации”, а с другой, “большевизации” страны, стремясь воплотить в жизнь

⁹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / Посл. С. Земляного. — М.: Логос, 2003.

проекты “другой Германии”. В этом смысле необходимо критически взглянуть на принятое в либеральной историографии противопоставление левых интеллектуалов, которые хотели настоящего демократического развития, и “эры Аденаура”, которую также называют “эпохой реставрации”. Показательно, в 1950–60-е годы многие левые также признавали, что правые (наиболее яркий пример — Карл Шмитт) ставили после войны более актуальные вопросы. Обычно изложение интеллектуальной истории Германии в первое десятилетие после Второй мировой войны (“ранняя Федеративная Республика”) ограничивают выдающимися социал-демократическими интеллектуалами вроде Карло Шмида. При этом право-консервативные умы практически выпадают из поля зрения. Конечно, они с трудом вписываются в понятие политического интеллектуала и свободны от дилеммы “критика или мандат”. Тем не менее, они, несомненно, оказали глубокое воздействие на интеллектуальный климат послевоенной Германии, наложив серьезный отпечаток на дискуссию по основополагающим проблемам общественно-философской мысли. В частности, они развернули глубокую критику индустриального общества (Х. Фрайер), прессы как идеологического инструмента (Ф. Зибург), техники и массовой демократии (Ф.Г. Юнгер, М. Хайдеггер, К. Шмитт).

Вторая половина 1960-х годов была ознаменована всеобщей политической мобилизацией левых интеллектуалов, сопровождавшейся ростом значения СМИ. Наиболее показательной в этом отношении является поддержка Г. Грассом и другими молодыми литераторами из “Группы 47” Социал-демократической партии Германии и ее кандидата на пост канцлера Вилли Брандта. Большой общественный резонанс получили также радикально-демократические проекты переустройства социума. Здесь основной интеллектуальный тон задавал Франкфуртский институт социальных исследований, точнее два поколения школы — ре-мигранты М. Хоркхаймер и Т. Адорно и представитель молодого поколения Ю. Хабермас (сотрудник школы с 1964 г.).

Время после 1968 г. характеризуется возрастанием влияния интеллектуальных групп на общественную жизнь. Появляются новые возможности для диалога между властью и интеллектуалами. В то же время меняются традиционные роли и функции правых и левых интеллектуалов, релятивируются прежде доминирующие позиции, трансформируется медийный ландшафт.

Политическая мобилизация интеллектуалов привела к формированию критической общественности в Германии, которая в разные периоды убедительно демонстрировала готовность обсуждать вопросы “немецкой вины”, холокоста, исторической памяти, единства Германии, европейской интеграции и т.д. Между тем, неолиберальные взгляды, распространившиеся в обществе после крушения блоковых систем, привели к эрозии традиционной роли и идентичности интеллектуала. На его месте все чаще стал появляться «эксперт»; наконец, усилившаяся медиализация вызвала к жизни фигуру постполитического интеллектуала. С одной стороны, широкий процесс деполитизации и сложная дифференциация современного общества открывает перед тем, кто хочет называться “интеллектуалом”, возможность выбора — стать экономическим или политическим советником, имиджмейкером, консультантом по выбору различных стилей жизни, наконец, просто шоуменом. С другой стороны, кризисные явления современного общества указывают на пределы такой деполитизации и вновь требуют от интеллектуала политического самоопределения.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ: CASE STUDY

В консервативную “эру Аденауэра”, отмеченную двенадцатилетним правлением правоцентристской коалиции ХДС/ХСС, левые интеллектуалы и социалистическая мысль если и не исчезли из политического пространства совсем, то в дискуссии о вопросах власти и организации политической системы они не играли никакой роли. Идеал сильного, рационального государства, стоящего над обществом и обладающего иммунитетом от разноречивых социальных интересов, являлся эталонным не только для консерваторов, но и для многих либералов в послевоенный период существования. Однако оставалась существеннейшая проблема: как обеспечить легитимацию сложного современного общества в условиях массовой демократии и индустриального общества.

Конец 60-х годов считается *переломным временем* в истории Федеративной Республики Германия. С точки зрения леволиберального историка Курта Зонтхаймера, 60-е годы стали “ключевым десятилетием”, когда пробили “час интеллектуалов”. Следует отметить, что в таком словоупотреблении понятие “интеллектуала” ценностно нагружено, поскольку выступает синонимом “левых”, “выступающих за общее благо” и “говорящих от имени общечеловеческих ценностей”. Вместе с тем, этот период действительно отмечен глубокими трансформационными процессами в обществе, активным включением писателей и философов, появлением категории “общественного мнения”, бурным ростом СМИ (как левого, так и правого спектра) и ростом их влияния, а потому можно согласиться с авторами фундаментального исследования о Франкфуртской школе, которые называют 1966–1969 годы вторым, “интеллектуальным основанием ФРГ”¹⁰. Возникла категория “общественного мнения”, появилась влиятельная общественность

Публичные выступления Генриха Бёлля, Гюнтера Грасса и других писателей в поддержку СДПГ способствовали тому, что в массовом сознании сформировался образ писателя как “совести нации”, как защитников универсальных ценностей и прав человека. Эффективно используя СМИ (в том числе телевидение), интеллектуалы выступали против атомного оружия, американской политики во Вьетнаме, закона о чрезвычайном положении, агитировали за мир и призывали вступать в ряды экологического движения. Истоки этой деятельности восходят непосредственно к послевоенному времени, когда в Западной Германии возникали разнообразные журналы (“*Der Ruf*” (“Клич”), редакторы — Ханс Вернер Рихтер и Альфред Андерш) и кружки (“Группа 47”), объединявшие прежде всего молодых писателей. Многие из них вошли позднее в так называемую “Социал-демократическую выборную инициативу” в поддержку Вилли Брандта, наиболее активным участником которой был Гюнтер Грасс (р. 1927).

В 1950-е годы центральной темой дискуссий был вопрос о “вине немецкого народа”, однако он обсуждался внутри академической среды и не имел широкого политического резонанса. Возвращение левых интеллектуалов к актив-

¹⁰ Albrecht C. (Hg.). Die intellektuelle Gründung der Bundesrepublik. Eine Wirkungsgeschichte der Frankfurter Schule. — Frankfurt a.M./New York, 1999.

ному участию в политической жизни было ознаменовано так называемым “Делом «Шпигеля»” 1962 года (*Spiegel-Affäre*)¹¹. Этот скандал был воспринят не только как крупнейшая победа демократической общественности Германии в борьбе за свободу прессы в послегитлеровский период, но и как появление “духовной оппозиции” в Федеративной Республике. В глазах интеллектуалов авторитет государства после дела “Шпигеля” резко упал. В 1960-е годы перед левыми интеллектуалами открывалось два пути протеста: либо поддержка студенческого движения, либо участие в партийной политике, что позволяло мобилизовать гораздо более широкую общественность. Политический активизм автора “Жестяного барабана” основывался на убеждении в необходимости вмешательства граждан в жизнь демократического государства. Поддержка выборной кампании СДПГ включала в себя не только консультации политиков при написании речей, но и составление предвыборных лозунгов с целью привлечения электората. Свою принципиально негативную позицию по поводу “несовместимости духа и власти” Грасс сформулировал в таких словах: “Место писателя в обществе, а не над обществом или в стороне от него. Поэтому долой все духовное чванство и высокомерный дух элит! <...> Нет больше смысла цепляться за старую оппозицию духа и власти. Ведь мы платим налоги и ходим на выборы не на Парнасе, в сопровождении муз и в клубах жертвенного дыма, и живем мы не в фантастических республиках ученых. Мы платим налоги здесь, в Федеративной Республике, и здесь мы должны начать говорить!”¹²

О представительности “Социал-демократической выборной инициативы” говорит тот факт, что наряду с Грассом ее членами были философы Эрнст Блох и Людвиг Маркузе, историки Курт Зонтхаймер и Голо Манн, писатели Вальтер Йенс и Зигфрид Ленц, публицисты Арнульф Баринг и Марсель Райх-Раницки. Консолидация интеллектуалов и деятелей искусств и привлечение широких масс избирателей обеспечили успех инициативы, которая значительно способствовала победе Вилли Брандта и вызвала к жизни широкое гражданское движение¹³. Добившись смены политического вектора, многие из этих интеллектуалов в 1970-е годы сменили привычную роль “критика” на роль “эксперта” по вопросам политики, однако их влияние на конкретные политические решения в эпоху Брандта было скорее незначительным.

Демократизация системы высшего образования в конце 1960-х — начале 1970-х годов имела своим следствием поляризацию общественно-политической жизни. В частности, многие либеральные интеллектуалы (К. Зонтхаймер, Х.-Д. Брахер), которые до 1968 г. критиковали систему образования и выступали с требованием проведения реформ, увидев, что студенческие

¹¹ В 1962 г. правительство Конрада Аденауэра и военного министра Франца-Йозефа Штрауса обвинило редактора еженедельника “Шпигель” Рудольфа Аугштайна и его ведущих журналистов в разглашении якобы секретной военной информации. Реальной причиной являлась постоянная жесткая критика министра обороны. Им грозило до 10 лет тюрьмы. 103 дня заключения Аугштайна вызвали широкую волну протеста против попыток подавления свободы прессы. С этого времени в Германии начали часто цитировать Всеобщую декларацию прав человека.

¹² *Grass G. Des Kaisers neue Kleider // Grass G. Über das Selbstverständliche. — Berlin, 1968. S. 53 f.*

¹³ *Münkel D. Intellektuelle für die SPD // Hübing G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. S. 238.*

волнения грозят подрвать стабильность государства, начали активно выступать в поддержку **status quo**. Так или иначе, студенческое движение уже очень рано заставило задуматься об условиях и границах либеральной демократии.

Представитель второго поколения Франкфуртской школы Юрген Хабермас (р. 1929) также отмежевался от радикального крыла революционного студенчества, обвинив его лидеров в “левом фашизме”. Вместе с тем Хабермас значительно способствовал интеллектуальному обновлению левых в Германии (“новые левые”). Он констатировал кризис легитимности современного государства, который привел к расколу между обществом и государством. Однако если консервативные интеллектуалы вроде Э. Форстхоффа и Э.-В. Бокенфёрде находились под влиянием правовой теории К. Шмитта и перед лицом слабой парламентской демократии требовали от лиц, принимающих политические решения (**decision makers**), большей эффективности ради поддержания стабильности, то Хабермас настаивал на демократической ре-политизации сферы “публичности” или “общественности” (**Öffentlichkeit**), которая должна была способствовать обновлению социальной жизни, искаженной влиянием позднекапиталистической системы¹⁴. Еще в своей ранней работе “Структурные трансформации публичной сферы” (1962) философ показывал, что публичная сфера, ограниченная парламентскими дебатами, превращается из субъекта осмысленного действия в объект социальных манипуляций со стороны средств массовой информации. Поэтому “общественности” приписывается нормативный порядок: по мнению Хабермаса, она должна задавать масштаб и направление критики современной действительности.

Начиная с 1970-х годов Хабермас разрабатывал “критическую теорию общества”, в рамках которой получила свое обоснование идея интеллектуальной эмансипации. А именно, речь шла об освобождении от институционального принуждения, систематически искажающего коммуникацию. Автор “Теории коммуникативного действия” (1981)¹⁵ исходил из идеальной ситуации рационального консенсуса, достигаемого посредством “дискурса” как диалогически равноправной процедуры аргументации. Не считая возможным достичь рационализации истории на пути технического контроля и кибернетизации общества, философ возлагал большие надежды на эмансипацию рефлексивного и прогрессирующего сознания. В этом смысле история должна была стать диалогом совершеннолетних (в кантовском смысле) людей. Таким образом, хабермасовская теория дискурса явилась попыткой создать теорию коммуникации, которая в условиях научно-технической цивилизации претендовала на то, чтобы дать человеку разумные ориентиры в практических поступках. Вместе с тем она оставляла нерешенным вопрос о том, не скрывается ли за дискурсивно-организованной публичностью господство тех, кто распоряжается разумом в технической цивилизации.

В немецкой интеллектуальной истории последних десятилетий Ю. Хабермасу по праву принадлежит слава “великого **supervisor'a**” (А. Польшманн), который стремится занять ответственную позицию по всем значительным общест-

¹⁴ О критике неоконсервативных течений Хабермасом см.: Филиппов А.Ф. Западногерманские интеллектуалы в зеркале консервативной социологической критики // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника — интеллектуалы — культура. — М.: Наука, 1989. С. 145–168.

¹⁵ *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bde. 1–2. — Frankfurt a.M., 1981.*

венно-политическим вопросам и, прибегая к силе “лучшего аргумента”, заставляет прислушиваться к своим словам. В 1980-е годы он принимает самое активное участие в дискуссиях о ценностной нейтральности социального знания, о реформе университета, в так называемом “споре историков”¹⁶, а в 1990-е годы попытается сформулировать ответ на глобализационные вызовы. В то же время философ постепенно переходит с радикально-демократических на либерально-демократические позиции. Хабермас полагает, что его теория коммуникативного действия способна помочь выработать не только действенную либеральную этику, но и действенную демократическую политику. Поддерживая идею “делиберативной демократии” (“демократии обсуждения”), он верит в способность демократического общества к интеграции: рациональный консенсус относительно базовых моральных ценностей, полагает Хабермас, является универсальным способом решения проблем глобального общества¹⁷. Будучи самым видным протагонистом либеральной демократии в нынешней Германии и в то же время критиком, выступающим против проамериканской ориентации, Хабермас отстаивает космополитический, универсалистский проект Европы¹⁸. С этой точки зрения, не США, а именно Европа идет в авангарде движения навстречу всемирному порядку, основанному на торжестве принципов закона и прав человека во всем мире.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Германии и некоторых других европейских странах (прежде всего, во Франции и Италии) в ответ на осуществленную левыми культурную революцию, с одной стороны, и кризис стабилизационного консерватизма, с другой, формируется организационная и идеологическая социальная сеть, получившая обозначение “новых правых” (*Neue Rechte*). В противовес левым периодическим изданиям вроде “Zeit” или “*Tageszeitung*” начинает издаваться журнал “Критикон”, рупор право-консервативной образованной элиты. Важную роль в концептуализации и распространении взглядов “новых правых” сыграл первый историк “консервативной революции” и в прошлом секретарь Э. Юнгера Армин Молер (1920—2003). Идеи новых правых восходят, с одной стороны, к “консервативной революции”, с другой стороны — к европейскому традиционализму (Ю. Эвола, Р. Генон). Вместе с тем новые правые отбрасывают социалистический пафос

¹⁶ “Спор историков” (*Historikerstreit*) был вызван в 1986 г. статьей немецкого историка Э. Нольте под названием “Прошлое, которое не желает проходить”. Речь в статье шла о “табуированных” в немецком сознании темах: “преступлениях нацистского режима”, “Освенциме” — основных составляющих пресловутого комплекса “германской вины”. Нольте говорил о холокосте, допуская возможность с помощью доступных и обычных для историка средств выявить мотивы “окончательного решения” Гитлера, которое привело к массовому уничтожению евреев. В концепции Нольте политика холокоста в фашистской Германии становилась “объяснимой” при сопоставлении ее с большевистским террором в Советской России. Нольте утверждал, что существует “причинно-следственная связь” (*kausaler Nexus*) между ГУЛАГом и Освенцимом. Национал-социалисты осуществили это “азиатское” деяние только потому, что считали себя потенциальными жертвами советского “азиатского” деяния и воспринимали большевизм как главного врага. Ю. Хабермас, а вслед за ним литературный критик М. Райх-Раницкий обвинили Нольте в желании преуменьшить преступления нацизма. Суть возражения заключалась в том, что немецкой историографии современности свойственна “апологетическая тенденция”, она “отрицает уникальность нацистских преступлений”, занимается “ревизионизмом” и “отбеливанием” нацизма.

¹⁷ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001.

¹⁸ *Habermas J. Neue Welt Europa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24. Januar 2003.*

“консервативной революции”, перенимая главным образом ее националистические мотивы, и политизируют традиционализм, заимствуя оттуда неоязыческую составляющую. Новые правые выступают прежде всего как критики либерализма, идеологии свободного рынка и эгалитаризма. Введенное К. Шмиттом “понятие политического” как различения “друг/враг” трансформируется ими по сути в метаполитическое понятие, которое предполагает уже не создание авторитарного государства с целью национального возрождения, а сохранение культурного своеобразия отдельных обществ (“плюриверсум культур”, “этноплюрализм”) и уникальной европейской идентичности перед лицом угрозы «американизации» с ее однополярной моделью мира. Отсюда вытекает интернационализация и европеизация правой мысли: ее идеологи проповедуют “целостную Европу” (элементы коммунитаризма, локализма, федерализма), противостоят космополитическим концепциям “всемирного государства” и верят в гомогенные, описываемые в этнических терминах культуры. В сознании либерально настроенной общественности “новые правые”, при всем своем солидном интеллектуальном **background**'е, часто ассоциируются с “правым экстремизмом” и даже “фашизмом”. Несмотря на то что в связи с изменениями в европейской политике последних лет (на первый план вышли традиционно “правые” темы национальной безопасности, нелегальной миграции и т. д.) публицистическая активность новых правых заметно выросла¹⁹, они по-прежнему находятся скорее “по краям” германского публичного пространства. Тем не менее адекватная оценка интеллектуальной истории Германии последних десятилетий невозможна без учета *ключевых дискуссий* между левыми либералами, сторонниками либертариизма, и “новыми правыми”, сторонниками гомогенного государства и общества, выстроенного по принципу **“law-and-order”**. Эта полемика непосредственно связана с формированием отношения к собственному прошлому и процессом европейской интеграции Германии.

Пожалуй, наиболее яркой страницей в новейшей интеллектуальной истории Германии стала общественная дискуссия 1989 г. о германском единстве²⁰. В то же время ее можно считать *последней политической мобилизацией* интеллектуалов накануне торжества неолиберальных настроений в обществе 1990-х годов. В этих дебатах вновь сыграли весьма заметную роль немецкие писатели. “Совесть нации” была, так сказать, расколота на два лагеря, один из которых представлял Гюнтер Грасс, а другой — Мартин Вальзер. Еще в начале 1980-х годов Грасс в своих книгах и выступлениях отстаивал тезис о “двух государствах одной нации” и литературе как едином культурном пространстве всех немцев. Соответственно, в ходе процесса воссоединения он выступал с идеей “конфедерации двух германских государств”. Свою мысль об отказе от “единого государства” Грасс аргументировал, с одной стороны, ссылаясь на необходимость центрально-европейской безопасности, а с другой, отмечая некоторую заторможенность и отсталость общества ГДР. Его антипод Мартин Вальзер, наоборот, всесторонне поддерживал воссоединение Германии. Аль-

¹⁹ Сейчас интеллектуальным центром “новых правых” выступает берлинская газета “Нойе Фрайхайт”, с которой сотрудничает видный публицист, старый противник и критик Хабемаса Гюнтер Машке (р. 1948).

²⁰ Подробнее об этом см.: *Jäger W., Villinger I. Die Intellektuellen und die deutsche Einheit. — Freiburg i. B., 1997.*

тернативу гегемонии Германии в Центральной Европе Вальзер усматривал в европейской интеграции Германии. В этой связи следует также упомянуть влиятельного публициста Ханса-Магнуса Энценбергера, считавшего, что германское единство дает всем гражданам стать “совершеннолетними в политическом отношении”. В целом эти позиции писателей-интеллектуалов заметно выделялась на общем плаксиво-пессимистичном тоне германской прессы и в значительной мере способствовали формированию у немцев критического отношения к проблеме национальной идентичности.

Постполитические тенденции в общественной мысли двух последних десятилетий привели к очевидной *деполитизации интеллектуалов*²¹. Крах реального социализма, снижение накала в противостоянии правых и левых в силу снижения численности рабочего класса и расширения сферы услуг, процессы глобализации в 1980–90-х годах XX века привели к торжеству концепций “конца истории”, мультикультурализма, делиберативной демократии и рефлексивной модернизации, ставших путеводной звездой для либералов и левоцентристов по всему миру. При этом роль интеллектуала, расстающегося с “левым” и “правым” ради “третьего пути”, начинает сводиться к поиску эффективного баланса между интересами общества, индивида и свободного рынка, а слово “консенсус” становится ключевым термином гуманитарных дискуссий.

Ральф Дарендорф выделяет несколько причин трансформации роли интеллектуала²². 1) Индустриальное общество включает интеллектуала в коллективный медийный аппарат, лишает его подлинной индивидуальности и превращает в “шоумена”. 2) Конец утопий и крушение глобальных идеологий лишает его легитимации и возможности соотноситься с масштабными перспективами, что приводит 3) к произвольности его высказываний в период ценностного плюрализма и культурного релятивизма. 4) Дифференциация функций социальных подсистем (преобладание, прежде всего, политических и экономических ценностей) обуславливает кризис общественной морали, которая становится либо “помехой”, либо просто частным делом, “attitude”.

Фигура *постполитического интеллектуала* — в Германии она наиболее ярко представлена П. Слотердайком и Р. Сафрански²³ — непосредственно связана со стремительным ростом медиализации и основной функцией масс-медиа по “репрезентации публичности”²⁴. Свою задачу интеллектуал ограничивает службой во имя публичности, однако при этом, как правило, не выходит за рамки “медиатора”. Его притязания на автономию и нейтральность

²¹ О постполитике и реактуализации политического см.: Михайловский А.В. Понятие политического в эпоху “постполитики” // *Международная жизнь (International Affairs)*. 2008. №7. С. 32–47.

²² *Dahrendorf R. Umbrüche und normale Zeiten: Braucht Politik Intellektuelle? // Hübinge G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. S. 281–282.*

²³ П. Слотердайк (р. 1947) — президент Высшей школы дизайна в Карлсруэ, автор известной книги “Критика цинического раз ума” (*Слотердайк П. Критика цинического разума.* — Екатеринбург, 2001). Р. Сафрански (р. 1945) — философ и свободный писатель, автор биографий Шопенгауэра, Хайдеггера, Шиллера. Медийные персонажи Слотердайк и Сафрански известны, прежде всего, как ведущие программы “Философский квартет” на германском телеканале ZDF (см. также: www.petersloterdijk.net).

²⁴ Подробный анализ в кн.: *Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского.* — М.: Праксис, 2005. С. 160–164.

оказываются всего лишь формой лояльности по отношению к постполитическому **common sense**: будто достигнутый на данный момент уровень экономико-политического развития — большой прогресс в эволюции гуманизма. Интеллектуал, который превращается в одно из звеньев “политики жизни” (Э. Гидденс), помогает освобожденным от коллективных уз индивидам более плодотворно заниматься культивированием разнообразных стилей жизни, не оглядываясь на устаревшие групповые образцы. В такой “постполитике”, где конфликт глобальных идеологических проектов и борющихся за власть партий считается преодоленным, интеллектуал становится в ряд просвещенных технократов (экономистов, специалистов по связям с общественностью) на службе свободного рынка, занятых поиском более или менее универсального консенсуса.

Однако обнаружившиеся в обществе начала **XXI** в. глубинные противоречия и угрозы сделали очевидной недостаточность либеральных теоретических схем. Отсюда ясно, что будущее интеллектуала напрямую зависит от того, каким образом будет осуществляться преодоление постполитических тенденций в современном глобальном обществе, которое переживает сейчас, пожалуй, самый глубокий кризис за всю свою историю.